Обще-экономическое и соціальное значеніе системы Тэйлора.[1])

I.

Въ производствѣ предметовъ, необходимыхъ человѣку, какъ извѣстно, участвуютъ два фактора: человѣческій трудъ и внѣшняя природа. Съ первыхъ же моментовъ своего существованія человѣкъ долженъ былъ все необходимое для пропитанія, для защиты себя отъ холода и т. д. брать изъ внѣшней природы; самыя орудія, при помощи которыхъ человѣкъ добывалъ себѣ то или другое, хотя бы то была простая палка или камень, получались тоже изъ внѣшней природы, окружавшей человѣка. Чѣмъ больше человѣкъ [illegible] талъ знаній внѣшней природѣ, ея свойствахъ и силахъ, тѣмъ лучше, полнѣе, многостороннѣе онъ могъ удовлетворить свои потребности, тѣмъ болѣе удовлетвореніе ихъ являлось обезпеченнымъ. Когда человѣкъ настолько ознакомился со свойствами растеній, что могъ искусственно разводить ихъ, заниматься земледѣліемъ, тогда существованіе его стало болѣе обезпеченнымъ, нежели до того, при пастушескомъ или охотничьемъ бытѣ. Помимо лучшей обезпеченности въ средствахъ пропитанія, явилась возможность и болѣе удобнаго существованія, можно было обзавестись такими предметами удобства, которые при бродячемъ образѣ жизни—наоборотъ могли бы причинять многія неудобства. Измѣнилась и вся обстановка быта. А такъ какъ это происходило въ силу большаго ознакомленія съ явленіями и предметами внѣшней природы и болѣе полнаго и умѣлаго усвоенія ихъ, приспособленія и использованія ихъ для своихъ надобностей, то естественно, что люди сперва, можетъ быть, инстинктивно, а потомъ уже и сознательно стали все болѣе и болѣе обращать вниманіе на окружающія ихъ силы природы съ цѣлью поднятія своихъ производительныхъ силъ, т. е. съ цѣлью въ данное время извлечь наиболѣе изъ даннаго количества труда. Стали изучаться и изслѣдоваться не только свойства растеній, животныхъ, не только поверхность земли, но и ея нѣдра; стало

[1]) Не раздѣляя по существу съ нѣкоторыхъ положеній настоящей статьи, редакція считаетъ полезнымъ ознакомить читателей съ оригинальнымъ и интереснымъ освѣщеніемъ „системы Тэйлора" проф. Н. А. Коблуковымъ.

Ред.

изучаться и то, что называется не матеріей, а силами природы. Начали пользоваться силой воды, вѣтра, пара, электричества. Проникли въ изслѣдованіе внутренняго строенія тѣлъ, стали узнавать ихъ химическій составъ и все это шло на пользу усиленія производительности человѣческаго труда, поскольку послѣдняя зависитъ отъ внѣшнихъ силъ природы и знакомства съ ними.

Другой дѣятель производства, человѣческій трудъ предполагался какъ нѣчто данное, твердо опредѣленное и извѣстное. Если надо было развить большую механическую силу, то соотвѣтственно тому скучивалось большее число людей для совмѣстнаго приложенія своихъ силъ, затѣмъ были примѣнены внѣшнія силы природы для замѣны этой силы и были изобрѣтены машины, которыя замѣняли дѣятельность опредѣленныхъ органовъ человѣческаго тѣла движеніемъ механическихъ аппаратовъ, замѣняющихъ собою въ количественно увеличенномъ числѣ дѣятельность одного органа. Соотвѣтственно взгляду на опредѣленность и однородность трудовыхъ человѣческихъ силъ вся задача въ увеличеніи производительности ихъ при данныхъ внѣшнихъ техническихъ условіяхъ заключалась въ томъ, чтобы вызвать большое напряженіе этихъ силъ. Для этого примѣнялись тѣ или иныя репрессивныя мѣры или увеличивалось число часовъ работы. Нѣсколько иной способъ воздѣйствія на производительность человѣческихъ трудовыхъ силъ, поскольку это зависитъ отъ внѣшнихъ силъ природы, наблюдается уже при примѣненіи сложнаго сотрудничества. Но и здѣсь опять таки исходятъ изъ предположенія одинаковости, однородности силъ каждаго рабочаго опредѣленнаго возраста и только распредѣляютъ между ними работу соотвѣтственно тому, какъ измѣняется обрабатываемый предметъ въ трудовомъ процессѣ, т. е. опять таки исходятъ изъ свойствъ обрабатываемаго матеріала и тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ немъ подъ вліяніемъ воздѣйствія человѣка и тѣхъ силъ природы, дѣйствіе которыхъ человѣкъ направляетъ на производимый предметъ. Здѣсь изучаются опять таки качества внѣшнихъ силъ природы, ихъ измѣненія и соотвѣтственно этому и раздробляются, распредѣляются между отдѣльными лицами тѣ операціи, которыя надо выполнить, чтобы получить въ результатѣ производства тотъ предметъ, который намъ нуженъ. Соотвѣтственно этому, видоизмѣняются орудія труда такъ, чтобы приспособить каждое къ той операціи, которую должно выполнить отдѣльное лицо. Мысль изобрѣтателя направляется опять таки не на то, чтобы исходя изъ свойствъ

произвести то или

Нѣтъ, и тутъ при-

рода человѣка разсматривается какъ нѣчто данное, неизмѣнное, не подлежащее изслѣдованію и изученію съ цѣлью опредѣлить, что надо сдѣлать, къ какимъ измѣненіямъ въ трудовыхъ силахъ даннаго лица надо стремиться для того, чтобы поднять производительность его труда. То спеціальное образованіе, которое дается для того, чтобы данное лицо успѣшнѣе работало въ опредѣленной отрасли, производства опять таки имѣетъ своимъ назначеніемъ, беря данное лицо, какъ оно есть и не подвергая его какому либо спеціальному изученію, ознакомить его съ свойствами той матеріи и тѣхъ силъ природы, съ которыми приходится имѣть дѣло въ томъ или иномъ производствѣ и выработать въ немъ опредѣленные навыки въ обращеніи съ этими матеріалами и силами, поскольку это опять таки зависитъ отъ свойствъ этихъ матеріаловъ и силъ. Въ этомъ состоитъ и ученичество при ремеслѣ и спеціальное техническое образованіе. Подвергается, такимъ образомъ, изученію, изслѣдованію только одинъ факторъ производства: внѣшнія природныя силы, на знакомствѣ съ ними строится все, что дѣлается для поднятія производительности труда, на этомъ основано повышеніе ея; человѣкъ же сводится какъ бы къ „случайно забытому изобрѣтателемъ одному изъ винтиковъ машины“.

Люди до такой степени привыкли видѣть основу и средство къ повышенію производительности труда именно во внѣшнихъ условіяхъ, что нерѣдко говорятъ о производительности капитала, т. е. какъ бы придаютъ внѣшнимъ условіямъ большее значеніе, нежели человѣческой личности. А между тѣмъ, каждому извѣстно, что капиталъ представляетъ неодушевленный предметъ, созданный трудомъ человѣка, причемъ человѣкъ именно въ видахъ успѣшности своего труда, его производительности, располагаетъ трудъ такъ, что бы напередъ заготовить то, что ему нужно будетъ при приложеніи труда его впослѣдствіи. Съ другой стороны, никому напр. не придетъ въ голову говорить о производительности простого молотка, которымъ человѣкъ пользуется, затрачивая трудъ на вбиваніе гвоздя или для чего либо еще. Когда же молотокъ превращается въ паровой молотъ, дѣйствіе котораго, однако, немыслимо безъ затраты труда человѣка и на изготовленіе этого молота (какъ и простого молотка) и на приведеніе его въ дѣйствіе (какъ и простого молотка), тогда считаютъ возможнымъ говорить о производительности этого молота; только выражаются при этомъ иначе: говорятъ о производительности капитала. Отчего же это такъ происходитъ? Прежде всего, конечно, потому, что при помощи такого молота является возможность эксплоатировать трудъ другого, выжать изъ него то, что онъ создаетъ, т. е. присвоить себѣ производительную силу другого чело-

вѣка. Это представляетъ собою продолженіе и развитіе тѣхъ пріемовъ использованія трудовыхъ силъ другого человѣка, первоисточникомъ которыхъ является рабство. Для этой цѣли примѣняются и машины при капиталистическомъ производствѣ.

II.

Извѣстно, какъ это полное упущеніе изъ виду значенія въ производствѣ личности человѣка отразилось на послѣдпемъ при введеніи въ жизнь машинъ и повело къ ухудшенію положенія рабочихъ, къ замѣнѣ труда взрослыхъ мужчинъ трудомъ женщинъ и дѣтей, къ удлиненію рабочаго дня, къ установленію ночной работы и т. д. Но дальнѣйшія усовершенствованія машинъ, вызывавшія, съ одной стороны, необходимость болѣе тщательнаго и умѣлаго обращенія съ ними, а съ другой стороны требованія отъ рабочаго болѣе напряженнаго вниманія при наблюденіи за ходомъ машинъ, повели къ тому, что личности рабочаго стало придаваться болѣе значенія. Нуженъ былъ съ одной стороны рабочій, способный къ болѣе интенсивному труду, могущій проявить болѣе напряженное вниманіе при ходѣ машины и при уходѣ за машиной. Съ другой стороны, это болѣе напряженное вниманіе и вообще болѣе интенсивная затрата силъ рабочаго при болѣе усовершенствованныхъ машинахъ—могли получиться въ томъ только случаѣ, если эта болѣе интенсивная затрата силъ, такъ сказать, покрывалась болѣе усиленнымъ питаніемъ и вообще болѣе благопріятными условіями, въ которыя ставился рабочій. Но необходимости требовался болѣе короткій рабочій день, лучшая санитарная и гигіеническая обстановка труда, болѣе высокій уровень заработной платы. Все это составляло тѣ технико-экономическія основанія, на которыхъ могли успѣшно возводиться и проводиться въ жизнь требованія фабричнаго законодательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ связи съ растущимъ самосознаніемъ рабочаго класса и съ вліяніемъ фабричнаго законодательства это заставляло предпринимателей для извлеченія прибыли примѣнять уже не экономію низкой, а экономію высокой заработной платы. Въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ предприниматели находили выгоднымъ помѣщеніемъ капитала, затрату его на такую обстановку на фабрикахъ, которая вызывала бы меньшее утомленіе при работѣ и поддерживала болѣе бодрое настроеніе. Для достиженія этого доходятъ до того, что напр. машины окрашиваютъ въ палевый цвѣтъ, чтобы своимъ мрачнымъ видомъ они не дѣйствовали угнетающе на рабочихъ, нанимаются особые чтицы романовъ для дѣвушекъ, работающихъ на табачныхъ фабрикахъ, подъ коихъ работницамъ предназначаются табуретки и т. п. Вотъ до какой, можно сказать, утонченной любезности дохо-

дитъ вниманіе предпринимателей къ нанимаемымъ ими рабочимъ силамъ—этимъ „винтикамъ машины, случайно забытымъ изобрѣтателемъ".

Но все это дѣлается: 1) немногими наиболѣе просвѣщенными или наиболѣе догадливыми и наблюдательными предпринимателями, а 2) не въ силу какой либо твердо установленной на чемъ нибудь объективно обоснованной точкѣ зрѣнія, а такъ сказать, по наитію, по случайнымъ наблюденіямъ, предположеніямъ, въ зависимости отъ субъективнаго взгляда того или другого предпринимателя или группы ихъ.

Когда примѣняется усовершенствованная машина, дающая лучшіе результаты, чѣмъ предшествующія, то примѣненіе ея всѣми фабрикантами есть вопросъ сравнительно непродолжительнаго времени и наличности средствъ для замѣны старыхъ, по мѣрѣ изношенности послѣднихъ—короче, внѣшнихъ условій, въ которыя поставленъ тотъ или иной предприниматель. Сомнѣній же въ томъ, что примѣненіе такой машины дастъ больше выгоды—нѣтъ. Если они бываютъ, то опять таки въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, заключающихся въ оплатѣ труда: гдѣ онъ очень дешевъ, тамъ можетъ быть болѣе выгодно, съ точки зрѣнія предпринимателя, продолжать пользоваться этимъ трудомъ, не примѣняя машины, (почему въ Англіи, напр. не примѣняются многія машины, примѣняемыя въ Америкѣ). Происходитъ это отъ того, что предприниматели, вводя примѣненіе новыхъ машинъ, стремятся съэкономить на платѣ рабочимъ; послѣдніе же въ противовѣсъ этому стремятся и на новыхъ машинахъ работать такъ, чтобы въ результатѣ получилось продукта не больше, чѣмъ на прежнихъ, и тѣмъ: 1) заставить фабриканта не сокращать числа рабочихъ, а 2) не понижать расцѣнокъ, которыя обыкновенно даютъ рабочимъ возможность выработать не болѣе того, что необходимо, чтобы жить и быть въ состояніи работать. Въ С. Америкѣ рабочіе прямо ставятъ условіемъ, чтобы введеніе новыхъ машинъ, отъ чего предприниматель получаетъ большую выгоду, по крайней мѣрѣ не уменьшало заработокъ рабочихъ. Вслѣдствіе этого тамъ примѣняются многія машины, которыя въ Англіи еще не вводятся и тамъ въ Америкѣ иногда сами рабочіе побуждаютъ предпринимателей къ установкѣ новыхъ машинъ.

Какъ видимъ, тутъ вліяютъ все внѣшнія условія. Сомнѣній же въ томъ, что введеніе новыхъ усовершенствованныхъ машинъ и вообще техническихъ пріемовъ, составляетъ выгодную затрату капитала и ведетъ къ болѣе успѣшной, болѣе производительной затратѣ труда—этихъ сомнѣній нѣтъ.

Но, какъ уже отмѣчено, съ теченіемъ времени воздѣйствіе на человѣка съ цѣлью повышенія производительности его труда требуетъ уже большаго вниманія къ требованіямъ человѣческой личности. На ряду съ этимъ придается все большее и большее значеніе сознательному приложенію научныхъ знаній къ производству, а также и тому, что повышаетъ интенсивность и степень сознательности рабочаго. Въ анкетѣ о значеніи начальнаго образованія и грамотности, произведенной въ Америкѣ болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ, большинство предпринимателей отвѣтили, что грамотность—даже только грамотность, повышаетъ производительность труда рабочаго процентовъ на 20, и не потому только, что болѣе сознательный рабочій меньше тратитъ зря матеріала, болѣе умѣло обращается съ машиной и т. п. Нѣтъ, оказывается что даже въ простыхъ работахъ, какъ, напр., насыпаніе песку въ телѣгу и т. п. грамотный рабочій съумѣетъ лучше распредѣлить свои движенія, лучше сообразить, какъ поставить телѣгу или тачку по отношенію къ мѣсту добыванія песка, чтобы легче и скорѣе его насыпать. На ряду съ этимъ не случайныя знанія, а сознательное приложеніе науки стали все болѣе и болѣе руководить постановкой производства. Не только за границей, но и въ Россіи встрѣчаются предпріятія, въ которыхъ приглашаютъ химиковъ, какъ людей науки, оплачиваютъ ихъ содержаніе, устраиваютъ для нихъ лабораторіи и не возлагаютъ при этомъ на приглашенныхъ никакихъ спеціально прикладныхъ задачъ. Дѣлается такъ въ увѣренности, что научныя знанія, даже безъ спеціальной задачи получить тотъ или другой практическій результатъ, приведутъ къ этому, окажутся практически полезными въ силу болѣе глубокаго изученія силъ природы.

Но разъ наука получила такое значеніе въ производствѣ, и разъ въ то же время, несмотря на успѣхи механики, химіи и умѣнья больше, полнѣе, лучше использовать внѣшнія силы природы, все же пришлось подмѣтить и придать значеніе большей интеллигентности и сознательности рабочаго, большее значеніе личности человѣка, его индивидуальнымъ свойствамъ, то на этомъ остановиться нельзя было. И вотъ въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ уваженіе къ человѣческой личности развито болѣе, чѣмъ въ Европѣ, но гдѣ въ то же время значеніе личности въ значительной мѣрѣ опредѣляется ея способностями, умѣньемъ создать себѣ независимое экономическое положеніе,—тамъ въ Америкѣ и обратили вниманіе на тотъ факторъ производства, который представляетъ собою человѣческій трудъ. Это сдѣлано системой Тэйлора.

III.

Если остановиться на опредѣленіи самой сущности этой системы, то она состоитъ именно въ томъ, чтобы обратить вниманіе на условія производительности труда, поскольку они зависятъ не отъ внѣшнихъ силъ природы, а поскольку они заключаются въ самомъ человѣкѣ, въ его личности, его свойствахъ и умѣньѣ располагать свои трудовыя силы и использовать ихъ. При этомъ считается необходимымъ въ основу выясненія условій производительности, заключающихся въ человѣческой личности, положить научное, систематическое изученіе этихъ условій. Тэйлоръ исходитъ изъ того, что до сихъ поръ при исполненіи каждой работы рабочій примѣняетъ тѣ пріемы, которые самъ рабочій считаетъ наиболѣе правильными, удобными, легкими и т. д. Поэтому, говоритъ онъ, „выполненіе одной и той же работы производится обыкновенно различными способами—двадцатью, сорока, пятидесятью и болѣе путями". А между тѣмъ въ каждомъ родѣ работъ всегда найдется одинъ методъ, который лучше всѣхъ остальныхъ и допускаетъ болѣе быстрое исполненіе работы. Но найти этотъ пріемъ можно только путемъ научнаго изученія и анализа всѣхъ употребительныхъ методовъ вмѣстѣ съ точнымъ, тщательнымъ изученіемъ движеній и частей времени, потребныхъ на то или другое движеніе. А это, говоритъ онъ, означаетъ постепенное проникновеніе науки во всѣ механическія искусства, вмѣсто прежняго господства грубыхъ пріемовъ. Отсюда вмѣсто примѣняемаго теперь предоставленія рабочему выполнить работу какъ онъ находитъ лучшимъ, необходимо поставить ее согласно съ правилами и законами науки.

Для этого надо, если допустимо такъ выразиться, проанализировать трудовой механизмъ человѣческаго организма, изучить его и на этомъ построить теорію и правила примѣненія его къ дѣлу въ каждой отрасли производства и въ каждомъ процессѣ труда. Въ примѣненіи къ производительному труду это также необходимо какъ и ко всякой другой отрасли дѣятельности. Для обученія декламаціи, пѣнію, для правильной постановки голоса считаютъ необходимымъ ознакомить съ анатоміей голосовыхъ органовъ и научить соотвѣтственно ихъ строенію располагать голосовыми средствами такъ, чтобы съ наименьшимъ утомленіемъ получить наибольшій результатъ. По отношенію же къ использованію тѣхъ силъ организма, которыя примѣняются при физическомъ трудѣ—изученіемъ строенія этихъ силъ съ этой цѣлью не занимались. До сихъ поръ совершенно не интересовались изученіемъ человѣ-

ческаго организма съ точки зрѣнія достиженія наибольшей успѣшности труда. Полагали, что каждый самъ лучше знаетъ, какъ при данныхъ орудіяхъ труда, съ которыми онъ знакомъ, лучше и успѣшнѣе работать. Наблюденія и даже опытъ Тэйлора, который самъ былъ рабочимъ, привели его къ другому заключенію. Эти наиболѣе правильные пріемы еще надо выработать путемъ систематическаго, планомѣрнаго изученія движеній въ процессѣ труда и затрачиваемаго на нихъ времени и расхода силъ. Изслѣдованіемъ этого занялись и другія лица. Фр. Джильбертъ напр. въ своихъ наблюденіяхъ надъ движеніями пришелъ не только къ заключенію, но и къ тому практическому результату, что при кладкѣ кирпича каменщикомъ всѣ движенія сводятся съ восемнадцати къ пяти, а въ одномъ случаѣ даже къ двумъ. А это привело къ тому, что при одной работѣ, гдѣ обычная скорость составляла 120 кирпичей на человѣка въ часъ, она дошла до 350. Въ другомъ случаѣ на одномъ большомъ заводѣ, вырабатывавшемъ въ милліонномъ количествѣ стальные шарики, 120 работницъ были заняты испытаніемъ ровности и гладкости поверхности этихъ шариковъ. Работая надъ этимъ много лѣтъ, работницы пріобрѣли большую опытность и достигли, казалось, наибольшей скорости и производительности. Но слѣдуя Тэйлору, были произведены изслѣдованія и наблюденія надъ движеніями при этихъ работахъ и соотвѣтственно этому введены въ нихъ измѣненія. Въ концѣ концовъ вся работа вмѣсто 120 работницъ потребовала лишь 35 работницъ при значительномъ сокращеніи рабочаго дня на 2 часа противъ прежняго, причемъ повысилось и качество работы; работницы же зарабатывали при этомъ на 80% больше. Примѣровъ сильнаго повышенія производительности труда тамъ, гдѣ слѣдовали системѣ Тэйлора, можно было бы привести еще много. Въ чемъ же тутъ дѣло, отчего это происходило?

Во первыхъ, отъ того, что въ основу распредѣленія труда клались результаты систематическаго наблюденія и изслѣдованія того, какой рабочій для какого дѣла наиболѣе приспособленъ не только по своимъ склочностямъ, но по своей организаціи, силамъ, характеру способностей и т. д.—короче отъ изученія каждаго даннаго рабочаго. Во-вторыхъ, отъ изученія также путемъ систематическаго наблюденія и изслѣдованія того, какъ дѣйствуютъ на физическую силу, на вниманіе, на утомляемость каждый родъ работы, опредѣленныя движенія, время, потребное для каждаго изъ нихъ. Иначе говоря, здѣсь стало продѣлываться то же, что до сихъ поръ дѣлалось только по отношенію къ внѣшнимъ природнымъ факторамъ производства. Стали изучаться свойства и силы трудового человѣческаго аппарата и на основаніи этого стала распредѣляться работа между

отдѣльными лицами, продолжительность ея и промежутки между временемъ приложенія силъ, т. е. продолжительность и частость отдыха. Насколько существенно выяснить это послѣднее путемъ изслѣдованія, можно видѣть изъ того, что по наблюденіямъ Тэйлора для нагрузки опредѣленной тяжести на одномъ желѣзномъ заводѣ можно было путемъ опредѣленнаго чередованія труда и отдыха придти къ тому, что тѣ же 75 рабочихъ въ теченіе дня справлялись не съ $12^1/_2$ тоннами (тонна около 60 пуд.), а съ $47^1/_2$, т. е. съ почти вчетверо большимъ количествомъ. Но для этого и нужно было на основаніи наблюденія установить, что въ теченіе рабочаго дня—43% времени должны быть посвящены работѣ, а 57% отдыху съ опредѣленными промежутками. Надсмотрщикъ указывалъ, когда рабочему надо было поднять тяжесть и когда онъ долженъ попросту сидѣть сложа руки. Не будь необходимость такого распредѣленія времени установлена путемъ наблюденія и опыта, рабочіе таскали бы тяжесть не съ тѣми промежутками для отдыха, а приступали бы къ послѣднему при такомъ утомленіи, послѣ котораго и болѣе продолжительный отдыхъ не давалъ бы такого еще возстановленія силъ. А отсюда и происходитъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ меньшая производительность труда.

Что же мы видимъ? Даже время отдыха или наступленія усталости рабочаго опредѣляется не имъ, а на основаніи наблюденія и изслѣдованія. Нужно ли это однако? Развѣ человѣкъ самъ не лучше опредѣлитъ, усталъ онъ или нѣтъ, какъ ему ловчѣе работать и т. д.? Оказывается нужно. По этому поводу американскій психологъ Мюнстербергъ („Психологія и экономическая жизнь“) говоритъ такъ: „психологу давно уже извѣстно, что субъективное непріятное чувство усталости отнюдь не можетъ служить надежнымъ масштабомъ для измѣренія дѣйствительнаго утомленія, т. е. нарушенія работоспособности... Вопросъ о томъ, насколько человѣкъ утомляется отъ опредѣленной работы можетъ быть въ виду этого разрѣшенъ лишь на основаніи объективныхъ данныхъ, а вовсе не на основаніи показаній субъективныхъ ощущеній“.

Итакъ нужны объективныя данныя, на основаніи которыхъ должно происходить распредѣленіе времени и часовъ работы у каждаго рабочаго. Но такія же данныя нужны и для того, чтобы опредѣлить пригодность даннаго рабочаго для даннаго дѣла. Этому отбору рабочихъ, выясненію склонностей, интересовъ, вкусовъ, способностей рабочихъ Тэйлоръ придаетъ очень большое значеніе. Если придавать всему этому большое значеніе, то казалось бы здѣсь то и должно быть предоставлено рѣшеніе этого рабочему. Но оказывается, что и тутъ нужны объективныя данныя. Человѣкъ ду-

маетъ, что онъ самъ себя лучше знаетъ и потому лучше можетъ произвести выборъ рода занятій. И однако тотъ же Мюнстербергъ совершенно справедливо указываетъ на то, что правильному выбору профессіи на основаніи только собственнаго влеченія мѣшаетъ и незнаніе собственныхъ недостатковъ и недостаточное знаніе условій того дѣла, къ которому стремится опредѣленное лицо, а наконецъ и многія случайныя обстоятельства. Въ силу этого прежде чѣмъ рѣшить, какую работу данное лицо лучше исполнитъ, какое занятіе дастъ ему большее удовлетвореніе, и необходимо предварительное объективное изслѣдованіе.

IV.

Итакъ, въ системѣ Тэйлора, личность, какъ таковая, получаетъ большое значеніе. Не человѣка приспособляютъ къ дѣлу, а наоборотъ выбираютъ для даннаго человѣка подходящее дѣло. Это представляетъ въ постановкѣ дѣла на фабрикахъ совершенно новое начало, если имѣть въ виду, что это кладется въ основу организаціи. Далѣе по мнѣнію Тэйлора слѣдуетъ, говоря его словами, „отказаться отъ организаціи дѣла по военному образцу“ и тогда въ основу всего, говоря его же словами, будетъ положена: 1) Разработка научнымъ методомъ каждаго элемента работы вмѣсто прежнихъ примитивныхъ пріемовъ; 2) Научный отборъ, обученіе и развитіе рабочихъ; раньше же рабочіе сами избирали себѣ работу и обучались дѣлу, какъ могли; 3) Сотрудничество администраціи завода съ рабочими для обезпеченія веденія работъ согласно съ выработанными научными принципами; 4) Почти равное распредѣленіе работы и отвѣтственности между администраціей и рабочими, тогда какъ прежде почти вся работа и большая часть отвѣтственности лежала на рабочихъ. Здѣсь опять видимъ новое начало въ постановкѣ и организаціи всего дѣла. Начало это состоитъ въ томъ, что тутъ уже дѣйствительно не военная организація, не исполненіе того, что прикажутъ, не разсуждая и не отдавая себѣ отчета, почему и для чего это нужно. Нѣтъ, тутъ все предполагается, какъ общее дѣло администраціи завода и рабочихъ и эта общность вытекаетъ не изъ чего иного, какъ только изъ технико-экономическихъ основаній производства, изъ повышенія производительности, можно сказать, и доходности предпріятія, но основанной не на выжиманіи изъ рабочаго большаго количества его трудовыхъ силъ, а на болѣе правильномъ использованіи этихъ силъ, соотвѣтственно устройству человѣческаго орга-

низма и способностямъ и свойствамъ каждаго отдѣльнаго лица. Это уже не то, что винтикъ машины и это не рабочая масса безъ различія индивидуальностей—это выдѣленіе и признаніе личности и значенія рабочаго, какъ активнаго дѣятеля въ производствѣ, иниціативы и свойства котораго не какъ простой машины, а какъ сознательной человѣческой личности, составляютъ основу производительности и доходности предпріятія.

Такъ ли, однако, это? Нѣтъ ли тутъ еще большаго стѣсненія личности, рабочаго сравнительно съ тѣмъ, что происходитъ теперь? Въ настоящее время, безъ этой американской системы рабочій имѣетъ хоть ту свободу, что самъ приспособляется къ тому какъ ловчѣе работать, самъ рѣшаетъ когда усталъ. А при системѣ Тэйлора—все измѣрено, взвѣшано, исчислено; развѣ это не болѣе сильное стѣсненіе? Развѣ это не есть полное превращеніе и рабочаго въ какой то неодушевленный механизмъ, который самъ не рѣшаетъ даже, къ чему онъ болѣе склоненъ и способенъ. Такъ или почти такъ несомнѣнно посмотрятъ на это многіе. И однако они будутъ не правы.

Дѣло въ томъ, во первыхъ, что разъ будутъ выработаны общія научныя основанія, опираясь на которыя рабочіе совмѣстно съ управленіемъ фабрики будутъ опредѣлять, кому исполнять какую работу, какъ распредѣлить ее въ теченіе дня, какіе промежутки имѣть для отдыха и т. д.—то развѣ тутъ будетъ что либо похожее на превращеніе рабочаго въ бездушный механизмъ? И если эти общія основанія будутъ выработаны, опираясь не на произвольныя мнѣнія того или другого, а въ силу изученія свойствъ, особенностей и условій человѣческаго организма вообще, даннаго рода труда и индивидуальныхъ свойствъ каждаго отдѣльнаго рабочаго, то они станутъ нормальными, такъ сказать естественными, сами собой подразумѣвающимися. И тогда не слѣдованіе имъ будетъ стѣсненіемъ, а наоборотъ отступленіе отъ нихъ будетъ не естественно, явится искусственнымъ и можетъ происходить только по болѣзни или недобровольно.

Это можно сопоставить съ тѣмъ, что даетъ намъ гигіена. Въ области питанія, одежды и т. д. мы, конечно, имѣемъ свои склонности, свои вкусы, но развѣ мы не подчиняемся совершенно сознательно и свободно опредѣленнымъ научнымъ указаніямъ. Животныя имѣютъ инстинктъ, который предохраняетъ ихъ напр. отъ того, чтобы принимать въ пищу, что либо вредное для нихъ. Люди этого инстинкта не имѣютъ. Дѣти тащатъ въ ротъ что ни попало и готовы съѣсть любую ягоду, не различая, ядовита она или нѣтъ.

Взрослые люди до сихъ поръ питаются также тѣмъ, чѣмъ могутъ или избираютъ то, что повкуснѣе. И, однако, никто не станетъ возставать противъ указаній гигіены относительно правилъ питанія, одѣянія и т. д. Никто не станетъ утверждать, чтобы интересамъ людей противорѣчили научныя указанія о томъ, какъ слѣдуетъ питаться, одѣваться и т. д. и никто въ установленіи этихъ научныхъ основъ и въ примѣненіи ихъ къ дѣлу не увидитъ покушенія на свободу человѣка. Нѣтъ—это дѣлается въ интересахъ человѣческой личности и при сознательномъ отношеніи къ дѣлу со стороны послѣдней она сама позаботится о томъ, чтобы въ основу своего питанія и своего образа жизни положить научныя начала. И правила эти, разъ мы ихъ признаемъ нормальными, не станутъ уже стѣснять насъ, а также будутъ считаться, такъ сказать, естественными, исполненіе ихъ само собой разумѣющимся. Отступленіе отъ нихъ будетъ не проявленіемъ свободы, а свидѣтельствомъ болѣзни или чего либо еще худшаго. Наконецъ надо имѣть въ виду, что вѣдь и силами внѣшней природы въ каждомъ празильно поставленномъ производствѣ, мы пользуемся не такъ, какъ это намъ вздумается или казалось бы пріятнѣе, а соотвѣтственно тому, что необходимо для того, чтобы производительнѣе использовать ихъ и чтобы достигнуть поставленной нами цѣли, т. е. дѣйствуемъ сообразно законамъ природы—и въ этомъ никто не видитъ какого либо стѣсненія. Напротивъ, знаніе законовъ природы и даетъ намъ возможность достигнуть желаемаго соотвѣтственно цѣли, нами поставленной, а не подчиняться чему то неизбѣжному и неизвѣстному, т. е. дѣлаетъ насъ свободными отъ этого подчиненія. Выражаясь нѣсколько парадоксально, мы свободны именно потому, что сознательно подчиняемся законамъ природы. Только зная ихъ, мы можемъ предвидѣть, что выйдетъ изъ тѣхъ или другихъ нашихъ дѣйствій и можемъ направлять послѣднія сообразно тѣмъ цѣлямъ и задачамъ, которыя мы сами (свободно) себѣ ставимъ; безъ этого знанія мы были бы въ положеніи дикарей, благополучіе которыхъ въ ихъ сознаніи зависитъ не отъ ихъ дѣйствій, а отъ милости того или другого фетиша. Итакъ изученіе движеній при приложеніи труда и пользованіе нашими трудовыми силами соотвѣтственно условіямъ наиболѣе производительнаго употребленія ихъ и сообразно съ тѣми законами природы, которые опредѣляютъ наибольшую производительность приложенія силъ,—не можетъ чувствоваться и разсматриваться, какъ стѣсненіе.

Но кромѣ этого надо имѣть въ виду еще, что система Тэйлора по своимъ основнымъ началамъ должна примѣняться не только на фабрикахъ и заводахъ. Не только каждое производство, но и каждое

трудовое приложеніе человѣческихъ силъ въ интересахъ наиболѣе производительнаго примѣненія ихъ должно опираться на научныя основанія. А въ такомъ случаѣ мы должны (если не выходить за предѣлы производства) считать насколько же необходимымъ примѣненіе сист. Тэйлора и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ ремеслѣ, и во всѣхъ видахъ промысловыхъ занятій. Въ крестьянскомъ же хозяйствѣ, напр., или въ нѣкоторыхъ видахъ ремесла, кустарнаго промысла и т. п. для хозяина—работника отсутствуетъ тотъ внѣшній видъ стѣсненія, который на фабрикѣ проявляется въ спеціальномъ наблюденіи надсмотрщика за смѣной работы и отдыха и вообще за ходомъ работъ соотвѣтственно выработаннымъ научнымъ основаніямъ. Но и на фабрикѣ этотъ внѣшній видъ стѣсненія уничтожается тѣмъ, что надлежащее примѣненіе системы Тэйлора неизбѣжно соединено съ такой организаціей во всей постановкѣ дѣла, которая, по словамъ Тэйлора, должна быть не военной, а должна быть общимъ дѣломъ заводоуправленія и рабочихъ.

V.

Извѣстно, что французскій соціалистъ Фурье въ основу такого устройства общества, при которомъ достигалась бы наибольшая производительность труда, клалъ распредѣленіе труда между всѣми, соотвѣтственно склонностямъ каждаго такъ, чтобы трудъ давалъ человѣку, такъ сказать, духовное удовлетвореніе. Къ этому же должна вести и система Тэйлора, но только для опредѣленія того, что можетъ дать это удовлетвореніе, она беретъ не безотчетные порывы и настроенія, которые могутъ быть сегодня одни, а завтра другіе, а такое выясненіе психики человѣка, которое опредѣлило бы тѣ свойства его природы, которыя являются основными. Тогда трудъ, поставленный соотвѣтственно имъ, дастъ болѣе полное и постоянное удовлетвореніе человѣку. Важенъ, говоритъ по этому поводу Мюнстербергъ—«культурный выигрышъ въ пользу всей хозяйственной жизни отъ того, что каждый человѣкъ сможетъ занять трудовой постъ, на которомъ разовьются его лучшія силы и который вполнѣ удовлетворитъ его самого. Пожалуй, для хозяйственной экспериментальной психологіи и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ болѣе высокой задачи, какъ это приноровленіе профессіональной дѣятельности къ духовному своеобразію индивидуумовъ въ видахъ искорененія въ мірѣ духовной неудовлетворенности работой, духовной атрофіи, удрученности и апатіи».

Итакъ вотъ какъ высоко ставитъ американскій психологъ при-

норовленіе трудовой дѣятельности къ духовному складу работающаго. На ряду съ этимъ приведенные выше примѣры, число которыхъ можно было бы увеличить, указываютъ на чрезвычайное повышеніе производительности человѣческаго труда, какъ слѣдствіе этого приноровленія и того примѣненія движеній и пріемовъ работы, которое является въ результатѣ ихъ научнаго анализа. Въ то же время приведенные примѣры показываютъ, что примѣненіе этого даже съ предпринимательской цѣлью, т. е. съ цѣлью получить прибыль—приводитъ къ сокращенію рабочаго дня. Система Тэйлора ведетъ слѣдовательно къ возможности при затратѣ значительно меньшаго времени и силъ на производство матеріальныхъ предметовъ достигнуть болѣе полнаго удовлетворенія потребности въ нихъ. А это опять представляетъ громадный культурный выигрышъ въ томъ отношеніи, что человѣкъ, удѣляя время физическому труду, соотвѣтственно требованіямъ здраваго образа жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ имѣть много больше времени, чѣмъ имѣетъ теперь и на развитіе своихъ душевныхъ и умственныхъ силъ, на пріобрѣтеніе большаго количества знаній, на удовлетвореніе своихъ умственныхъ стремленій, потребностей вкуса и здоровыхъ наслажденій. Самое исканіе послѣднихъ будетъ тогда выражать собою то, что нужно здорово дѣйствующему организму, а не является, какъ теперь, результатомъ или апатіи и ничего не дѣланія, или чрезмѣрнаго труда того или другого рода. Тогда и только тогда, т. е. положивъ въ основу своей жизни, своего труда результаты объективныхъ научныхъ изслѣдованій, человѣкъ перейдетъ изъ царства необходимости въ царство свободы, поскольку этотъ переходъ зависитъ отъ экономическихъ условій, отъ умѣлаго использованія всѣхъ силъ, необходимыхъ для производства. До сихъ поръ, какъ это отмѣчено было въ началѣ настоящей статьи, изучали для цѣлей производства условія внѣшней природы—одинъ факторъ производства. Система Тэйлора считаетъ необходимымъ для той же цѣли изучить и другой—и притомъ основной факторъ, отъ котораго все исходитъ,—человѣческій трудъ, какъ выраженіе и проявленіе строенія человѣческаго организма и его потребности въ движеніи и какъ опредѣленную силу, использованіе которой должно соотвѣтствовать той цѣли, на достиженіе которой она направлена. Только при такомъ изученіи обоихъ факторовъ производства можетъ быть достигнута наивысшая производительность, а потому въ этомъ то и лежитъ экономическое основаніе перехода изъ царства необходимости въ царство свободы, т. е. использованіе производительныхъ силъ не такъ, какъ то повелѣваютъ людямъ какіе то невѣдомые имъ законы, а соотвѣтственно человѣческому знанію этихъ за-

коновъ и использованію ихъ сообразно цѣлямъ, желаніямъ, задачамъ, которыя человѣчество само себѣ ставитъ.

VI.

Конечно, для намѣченнаго перехода въ царство свободы, помимо экономическаго основанія, необходимо еще и иное распредѣленіе общественныхъ силъ. Имѣя въ виду это послѣднее, система Тэйлора и вызоветъ противъ себя много возраженій. Въ этомъ духѣ въ русской журнальной литературѣ было посвящено системѣ Тэйлора нѣсколько статей. И дѣйствительно, у Тэйлора на первомъ мѣстѣ стоятъ задачи производства, какъ оно построено теперь, т. е. имѣются въ виду выгоды предпринимателей, борьба съ намѣренной вялостью въ работѣ, вообще съ тѣми условіями производства, которыя являются характерными для капиталистической постановки его. Это стремленіе заставить рабочаго работать производительнѣе чѣмъ теперь, но не въ интересахъ рабочаго, а въ интересахъ доходности предпріятія—служитъ у Тэйлора какъ бы исходной точкой всего дальнѣйшаго; но только онъ считаетъ, что къ этой высокой производительности, къ этому большему извлеченію прибыли должно и можно придти не теперешними средствами, не путемъ нажима на рабочаго и надзора за нимъ, не путемъ повышенной эксплатаціи его, а путемъ болѣе разумнаго использованія его силъ, соотвѣтственно тѣлесному и духовному строенію даннаго человѣческаго организма и его физическимъ и психическимъ законамъ, подлежащимъ еще правильному научному изученію. А то, что мною указано, какъ естественныя послѣдствія примѣненія системы Тэйлора, онъ тоже считаетъ непремѣнными послѣдствіями ея, которыя явятся какъ бы безъ связи съ другими измѣненіями соціальнаго характера. Вотъ это и вызываетъ—не безъ основанія—нареканія на систему Тэйлора. Но нужно разсматривать ее въ ея основахъ, независимо отъ того какъ смотритъ самъ, такъ сказать, изобрѣтатель этой системы. Извѣстно, что изобрѣтеніе и примѣненіе машинъ привело въ началѣ къ ухудшенію положенія рабочаго класса, что не входило въ виды изобрѣтателей. Но извѣстно и то, что я и отмѣтилъ выше, что затѣмъ оно же, но при воздѣйствіи самихъ рабочихъ и фабричнаго законодательства—составило технико-экономическую почву для повышенія уровня потребностей рабочаго и соотвѣтствующаго тому подъема его заработной платы и сокращенія рабочаго дня.

Все это при данныхъ условіяхъ должно сопровождать и примѣненіе системы Тэйлора. Приводимые имъ же и другими его послѣдова-

телями примѣры—указываютъ на сокращеніе числа рабочихъ и притомъ весьма значительное при примѣненіи его системы; тоже было и при первоначальномъ примѣненіи машинъ. Конечно затѣмъ послѣдовательное удешевленіе многихъ предметовъ, вызывавшее усиленный спросъ на нихъ, не только возстановило прежнее количество рабочихъ, но и вызвало необходимость въ значительно большемъ числѣ ихъ. Однако до этого, по крайней мѣрѣ, цѣлое поколѣніе должно было пережить печальныя послѣдствія первоначальнаго введенія машинъ, изнурять себя ночной работой, калѣчить дѣтскіе организмы непосильнымъ трудомъ на фабрикахъ, спасаться отъ голодной смерти путемъ выселенія изъ страны и т. д. Конечно, при современныхъ условіяхъ все это не можетъ происходить въ такихъ предѣлахъ. Этому мѣшаетъ и фабричное законодательство и самодѣятельность рабочихъ организацій тамъ, гдѣ это поставлено правильнымъ образомъ. Поэтому здѣсь непосредственныя послѣдствія примѣненія системы Тэйлора не могутъ быть такъ тяжки и такъ продолжительны и противъ нихъ могутъ быть приняты мѣры, хотя бы состоящія въ томъ, чтобы вмѣсто сокращенія числа рабочихъ—сокращался рабочій день. Если имѣть это въ виду, то быстрѣйшее примѣненіе ея—прямо въ интересахъ рабочихъ. Американскіе рабочіе до сихъ поръ при примѣненіи усовершенствованныхъ машинъ ставили дѣло такъ, что сами являлись заинтересованными въ томъ. Если, говорили они, хозяинъ имѣетъ отъ того выгоду, то мы по крайней мѣрѣ не должны ничего терять при этомъ. И благодаря этому въ Америкѣ примѣняются многія машины, которыя не примѣняются еще въ Англіи. Выходитъ такъ, что предприниматель находитъ выгоду примѣненія машинъ при хорошей оплатѣ труда, а рабочіе при этомъ же послѣднемъ условіи заинтересованы въ примѣненіи усовершенствованныхъ машинъ. Тоже должно и можетъ получиться и при примѣненіи системы Тэйлора.

VII.

Но какъ же достигнуть этого? Система Тэйлора сама даетъ указанія на то. Я уже приводилъ слова Тэйлора, что организація предпріятій должна быть не военной. Только при этомъ условіи возможно примѣненіе тѣхъ научныхъ основаній, о которыхъ говоритъ онъ, и при которыхъ по его словамъ требуется и иниціатива рабочихъ. Затѣмъ „при научной организаціи, утверждаетъ онъ, система заработной платы является однимъ изъ подчиненныхъ элементовъ“. Это значитъ, какъ это уже и отмѣчено, что предпри-

наниматель долженъ стремиться повысить доходность предпріятія не путемъ выжиманія изъ рабочаго больше труда,—для чего обыкновенно и служитъ размѣръ и система оплаты труда, а путемъ болѣе умѣлаго использованія его труда, благодаря болѣе полному и точному знанію и пониманію условій взаимодѣйствія труда и внѣшнихъ силъ природы. А для этого по Тэйлору же,—и совершенно правильно,—нужна такая организація, гдѣ рабочій по самымъ условіямъ постановки дѣла, а не по милости или благонастроенію предпринимателя, представляетъ собою не одинъ изъ винтиковъ бездушнаго механизма, а активную силу. Необходимо, какъ было указано, совмѣстное рѣшеніе вопросовъ заводоуправленіемъ и рабочими. Правда, рѣчь идетъ какъ будто о рѣшеніи вопросовъ скорѣе техническаго характера, но они тутъ такъ тѣсно сливаются съ экономическими, съ рѣшеніемъ вопросовъ о количествѣ рабочихъ, величинѣ рабочаго дня и т. д., что раздѣлить тѣ и другіе нельзя. На первомъ планѣ здѣсь рѣшается вопросъ о повышеніи производительности—и тогда неизбѣжно возникаетъ вопросъ: если при тѣхъ или иныхъ измѣненіяхъ, вызываемыхъ примѣненіемъ системы Тэйлора,—производительность труда возрастаетъ напр. въ 4 раза и соотвѣтственно тому и доходность предпріятія тоже возрастаетъ—положимъ не въ 4, а въ 3 раза, то почему заработокъ рабочаго долженъ возрасти только въ 2 или $1^1/_2$ раза. И такой вопросъ тутъ возникаетъ неизбѣжно передъ всѣми и уклониться отъ рѣшенія его нельзя. А пока онъ не рѣшенъ наступаетъ нѣкоторая ненормальность въ отношеніяхъ совѣщающихся, т. е. представителей рабочихъ и заводоуправленія что можетъ отразиться неблагопріятно на результатахъ примѣненія системы—и потому выходъ изъ этого положенія будетъ ревностно искаться всѣми.

Но и независимо отъ этого, совмѣстное постоянное обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ, какъ бы узко дѣловаго характера, о такой постановкѣ дѣла, чтобы получалась наивысшая производительность не въ силу эксплуатаціи кого либо, а путемъ примѣненія результатовъ научныхъ наблюденій и опыта, должно вести къ взаимному пониманію, уваженію, все болѣе и болѣе вытравлять то отношеніе, которое создавалось и вырабатывалось на почвѣ подчиненія однихъ другимъ. Получается и вырабатывается и этимъ путемъ уваженіе къ личности, независимо отъ ея профессіональнаго положенія. Дѣло предпріятія становится общимъ дѣломъ и опять таки не въ силу того или иного благорасположенія или идейныхъ стремленій предпринимателя или кого либо, а въ силу технико-экономическихъ условій производства, которыя требуютъ

чтобы первое мѣсто было отведено личности рабочаго и его индивидуальнымъ свойствамъ. А это роняетъ и значеніе капитала, денежнаго мѣшка, владѣльцу котораго не такъ легко и просто отказаться отъ той власти, которая въ современномъ обществѣ дается обладаніемъ такимъ „благомъ“. Но это въ связи съ поднятіемъ значенія личности, какъ таковой, поведетъ только къ стремленію сохранить за собою власть, авторитетъ, значеніе, опираясь не на кучу звонкаго металла, а на свой нравственный и умственный авторитетъ, для чего и надо поработать надъ собой. Вотъ тотъ путь, которымъ примѣненіе научной стороны системы Тэйлора должно неизбѣжно привести къ коренному—и, думается намъ, не иначе какъ мирному преобразованію общественнаго строя и общественныхъ отношеній.

VIII.

Но если это такъ, то не слѣдуетъ ли у насъ въ Россіи, гдѣ и производительность низка, гдѣ и прочія условія неблагопріятны для развитія уваженія къ личности и для выраженія самодѣятельности рабочихъ, стремиться болѣе чѣмъ гдѣ либо и притомъ теперь болѣе чѣмъ когда либо примѣнить такую систему, которая неизбѣжно ведетъ къ повышенію производительности и требуетъ активнаго участія въ этомъ рабочихъ, которые такимъ образомъ, и какъ рабочіе, и какъ просто „человѣческія личности“ должны быть болѣе, чѣмъ кто либо заинтересованы въ научной организаціи промышленныхъ предпріятій.

И если конецъ XVIII и затѣмъ XIX вѣкъ ознаменовались изобрѣтеніемъ и примѣненіемъ машинъ, что произвело цѣлый переворотъ въ производствѣ и взаимоотношеніяхъ разныхъ классовъ, то, думается намъ, система Тэйлора должна привести въ теченіи XX вѣка тоже къ перевороту въ промышленности—и во всякомъ случаѣ къ перемѣнѣ въ отношеніяхъ разныхъ классовъ,—а можетъ быть и къ отмѣнѣ классоваго строенія общества. Во всякомъ случаѣ проникновеніе ея въ жизнь неизбѣжно, а при этомъ условіи нельзя упустить изъ виду слѣдующія слова въ предисловіи къ книгѣ Джильберта „Изученіе движеній“: „Въ одинъ прекрасный день какой нибудь умный народъ пойметъ тотъ фактъ, что при помощи истинно-научнаго изученія процессовъ движенія въ хозяйственной жизни можно достигнуть промышленнаго господства надъ цѣлымъ свѣтомъ. Мы надѣемся, что этимъ народомъ будутъ Соединенные Штаты. Населеніе ихъ уже считается самымъ передовымъ въ хозяйственномъ отношеніи народомъ. Но онъ немедленно займетъ непобѣдимую въ этомъ отношеніи позицію надъ другими

народами, какъ только удѣлитъ этому вопросу серьезное вниманіе. И, конечно, если этого не сдѣлаемъ мы, то сдѣлаетъ другой народъ и тогда отъ нашего прославленнаго прогресса и хозяйственной гегемоніи останется одно воспоминаніе". Таково предостереженіе для Америки. Не слѣдуетъ ли поэтому намъ, не ради гегемоніи, а просто въ интересахъ достойнаго человѣческаго существованія стать тѣмъ умнымъ народомъ, который здѣсь предусматривается.

Н. Каблуковъ.

Настоящая статья представляетъ собою докладъ, прочитанный мною въ октябрѣ 1914 г. въ Москвѣ, въ О-вѣ имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ. Докладъ этотъ вызвалъ возраженія со стороны ряда лицъ, но всѣ возраженія сводились къ указанію на тѣ вредныя послѣдствія, къ какимъ приведетъ примѣненіе сист. Тэйлора при современныхъ экономическихъ условіяхъ.

Послѣдствія эти аналогичны тѣмъ, къ какимъ приводило въ свое время, при извѣстныхъ условіяхъ приводить и теперь примѣненіе машинъ. Но еще К. Марксъ въ I т. Капитала отмѣтилъ, что, имѣя въ виду машины, „какъ и вездѣ слѣдуетъ различать увеличеніе производительности, происходящее отъ развитія общественныхъ процессовъ производства, отъ увеличенія производительности, зависящаго отъ капиталистической эксплоатаціи машины". Тамъ же онъ приводитъ слова одного „хозяина", утверждающаго, что „хозяйскія машины, въ дѣйствительности играютъ болѣе значительную роль въ дѣлѣ производствъ, чѣмъ трудъ и искусство рабочихъ". Относительно же рабочихъ К. Марксъ говоритъ, что „требовалось время и опытность, чтобы рабочіе научились отличать машины отъ капиталистическаго примѣненія ихъ и переносить свои нападки съ самихъ матеріальныхъ средствъ производства на общественныя формы эксплоатаціи ихъ". Соотвѣтственно этому и въ системѣ Тэйлора слѣдуетъ различать тѣ условія примѣненія ея, которыя характерны для современнаго экономическаго строя, нисколько не связаны съ основами и принципами системы Тэйлора и существуютъ также давно, какъ и капиталистическій способъ производства. Затѣмъ основы и принципы системы Тэйлора слѣдуетъ отличать отъ тѣхъ пріемовъ отбора рабочихъ, которые предлагаетъ онъ и которые опять таки не находятся ни въ какой органической связи съ его системой. Напротивъ медленное распростра-

неніе ея надо приписать именно тому, что примѣненіе ея не можетъ быть результатомъ отбора отдѣльныхъ лицъ, производимаго хозяиномъ. Отборъ этотъ, т. е. выдѣленіе рабочихъ соотвѣтственно ихъ индивидуальнымъ особенностямъ и соотвѣтственное тому распредѣленіе работъ между ними широко поставленное, какъ того требуютъ основы системы Тэйлора, не могутъ быть произведены безъ участія самихъ рабочихъ. А это участіе, которое тогда и не можетъ быть ограничено только чѣмъ либо однимъ, конечно не соотвѣтствуетъ основамъ капиталистическаго строя, почему система и не встрѣчаетъ, несмотря на всѣ ея выгоды въ настоящемъ, быстраго распространенія. Примѣняя ее, нельзя утверждать, что „хозяйскія машины играютъ болѣе значительную роль, чѣмъ искусство рабочихъ“. Уяснивъ это себѣ, рабочіе, конечно, должны будутъ дѣлаться сторонниками примѣненія системы Тэйлора, а примѣненіе ея по ихъ иниціативѣ не вызоветъ тѣхъ отрицательныхъ для нихъ послѣдствій, которыя иначе возможны. Задача моего доклада и состояла въ томъ, чтобы выяснить эту основу системы.

Н. К.